

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2017/18 гг.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЛИТЕРАТУРА
__ 11 __ КЛАСС

один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань. —
Но в ответ
коварная
она:
— Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер. —
— Все вы,
бабы,
трясогузки и каналы...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:
— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня... —
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.
1926

Вариант 2. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа Б. Зайцева «Хлеб, люди и земля», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- сочетание внешней простоты и внутренней смысловой концентрации;
- ассоциативность связей между образами;
- острая злободневность и философская универсальность содержания;
- детали-символы;
- смысл названия;
- способы лиризации прозы.

Сформулированные направления анализа носят рекомендательный характер. Вы можете избрать собственный путь рассуждений.

Борис Зайцев. Хлеб, люди и земля

Среди полей станция: красный дом из кирпича, рядом водокачка. Мимо станции железный путь; разьезды, фонари, склады, вагоны. Поездов за сутки мало — дорога новая, — но они основательны: едут

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2017/18 гг.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

ЛИТЕРАТУРА

__ 11 __ КЛАСС

тихо, много пыхтят, долго стоят на полустанках; в пути действуют слабо: под уклон безнадежно летят, на взгорки взбираются с трудом. Само полотно жидко, но поезда очень тяжелы; вагоны полны мукой, иногда там топчут лошади, или видна белая пыль камня. Эти угрюмые товарные приходят ночью; в темноте издали видны желтые огни, и что-то гудит по железным полоскам. Очень скучно и неприятно выходить к поезду. "Начальник" спит, вместо него юноша; он тоже в красной фуражке, но на ней меньше кантов.

Под паровозом бежит свет, станция подрагивает, и рельсы гнутся в скрепах, когда проползают вагоны – один за другим, сырые, с надписями мелом. Они только что пришли из необычайной тьмы, вокруг них очень долго выл ветер, и скоро они опять уйдут в этот холод и слякоть; скучно смотреть на них, лучше вернуться во второй этаж станции, лечь в постель и заснуть горячим сном. Но жаль, надо что-то писать, что-то считать и выдавать кондукторам разные бумажонки, которые никому не нужны. Потом что-то будут отмечать на вагонах, стучать снизу молоточком, ругаться; поезд будет дергаться вперед, назад, как будто бы бесцельно, но в конце концов все эти машинисты, кондуктора, черные смазчики с фонарями отцепят из середины два вагона с мукой и поставят у навесов.

Все сделали, но все же стоят; помощник спит, телеграф постучал сколько нужно и успокоился, – пора бы и ехать; дернули раз, другой, двинулись; ползут, едут. Перед станцией пусто, ветру теперь свободней лететь в лоб на платформу. Влево вдаль ушла тяжелая змея, набитая хлебом, с красноглазым хвостом.

До рассвета станция спит; с ней говорят только ветры, что кружат над вихрастыми деревушками вокруг, над усадьбами, помещиками, мужицкими церквями. В трактире у Гаврилыча, тут же вблизи, жуют сено лошади, а постояльцы смрадно спят, клочоча горлом.

Иногда над горизонтом подымается пламя – пожар: мужики ли жгут помещика, сам ли помещик горит, или сами мужики? Пламя час и два и больше бьет кверху, но никто не слышит. Все щели, бугры и косогоры земли полны сна; ниоткуда не выгонишь ни лошади, ни человека; десятками верст идут поля, отъемы лесов, зелены. Деревенский мир разлегся широко – и молчит в ночной час.

Но светлеет на востоке, начинается жизнь. Через овраги и вершины, где еще сумеречно и клочьями осталась ночь, со всех сторон ползут мужики, кто за чем. Выезжают к утреннему поезду, приходят за письмами с войны, узнать, что и как где; скоро ли "тронут" уезд. Везут от помещиков хлеб, молоко, и на дальних платформах идет суэта. Платформы испачканы белыми мучными пятнами; люди тоже в муке: тут же телеги с мешками; и кули все таскают, таскают на людских спинах в товарные вагоны.

Мужику набивается больше, полплатформы под ними; они стоят коричневые, в армяках и полушубках, сплошной стеной; многие с кнутами; у трактира масса их кривоногих лошадеенок, похожих на репейник, в нелепой упряжи.

Поезд всегда опаздывает; он называется пассажирский, хотя для людей в нем всего три-четыре вагона, остальные товарные, для скотов и груза. Подходят вагоны; в них душно, кисло; сзади ночь нечистого дышанья, грязной одежды, икоты, сопенья. Едут тоже мужики, а во втором классе подрядчики, трактирщики и люди в поддевах, с золотыми кольцами на руках. Вот толстый человек с чемоданчиком; широко расставляет ноги, подошвы у него громадные, лицо в волосах; усы могучи, маленькие желтые глазки спокойны и сонны, как у медведя-муравьятника. Вероятно, медвежья, ровные мысли ворочаются в шерстистой голове, желудок за обедом вбирает фунты тяжелой пищи, днем полагается жаркий сон. Неизвестно, не двинет ли он со станции прямо на четвереньках куда-нибудь к себе в берлогу, в глухом барсучьем овраге.

Мужики набрасываются – кого везти? Куда? Столько-то. Машут кнутами, от ветра шлепают на них воротники армяков; фуражка "помощника" плывет здесь и там красным пятном. Сзади кирпичная новое трое иная станция, с большими окнами, и водокачка.

Перед праздниками поезд набит своими же, кто работает в городе; тогда на платформе много баб; встречаются, целуются и парами бредут в ближние деревушки; это значит, будет днем гульба, будут бегать к Гаврилычу за водкой, петь песни, нехитро острить, галдеть, любить и ругаться; а вечером у того же Гаврилыча граммофон: люди закоптелых хибарок слушают смешной, важный хрип, оперу, Собинова. На улице пахнет канифасами и кумачами, бродят полупьяные гости в городских куртках и

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2017/18 гг.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

ЛИТЕРАТУРА

__ 11 __ КЛАСС

новых галошах, а лохматое, мшистое дедье слушает с завалинок. Семидесятилетние деды помнят, когда не было еще ни станций, ни жиденьких рельс, ни граммофона, ни Гаврилыча. Но их лица в складках сплошь заросли мо-чалой, серо-рыжими космами; они похожи на сухие грибы, что растут на истлевших деревьях; глаза у них слезящиеся и усталые, а сзади, за горбом, длинная жизнь, в хижинах, которые прохватывает насквозь ветер, с плетневыми навесами, курами, метелями и попами.

Справа и слева, по обеим сторонам полотна, вдали и вблизи расселись эти люди тесными селами, гнездами из нетолстого лесу и соломы; узенькие проселки сетью связывают их друг с другом – зимой и летом, – а весной большая вода бывает по оврагам; земля веселится и играет своими силами. Тогда ездить надо вплавь, и то, кто не боится.

Но железнодорожных это не касается: их поезда в бурные ночи, весной, так же тащут через мужицкие поля вагоны с хлебом; все хлеб и хлеб, с юга на север. Грузные поезда ползут среди простора, мимо людей и деревень, грохочут на мостах, блещут фонарями, пускают искры из паровозов, и один за другим катят дальше, вперед, на север.

А когда праздники кончатся, те же бабы идут провожать мужей, братьев в город, и тогда опять вся платформа полна деревней.

Нищий, старик, бродит и просит. Снимает шапку с лысой головы, бормочет, наполовину напевает что-то давнее, всероссийское. В нем длинные дороги, размокшие избенки, многолетняя жизнь. Он топчется у буфета, смотрит на селедку и грязные рюмки, ломтики ситного; за спиной у него холщовый мешок; оттуда пахнет хлебом – деревенским, бабьим, как и палка его здешняя, обмозоленная грубой рукой.

Бабы сморкаются, кой-где плачут, подают старичку. Вдруг колокольчики у подъезда: барин. Тащут за ним чемоданы, пледы; помощник делает под козырек, сам "начальник" пробирается в первый класс, занимать разговорами.

Мужики тоже много говорят; их разговоры угрюмы; летом отдавали лошадей, а теперь подходит к людям: соседний уезд двинули уже; все чаще, чаще проходят поезда с людьми в товарных вагонах, с севера на юг и восток. Шинели выглядывают из полураздвинутых дверей, сидят на деревянных лавочках, временами хохочут, хлебают что-то, острят, орут песни. На платформе на них часто смотрят мужики в армяках, подпаски с кнутами, девки; хмурый коричневый народ молчаливо провожает их, и бабы кой-где всхлипывают. А поезд с человеческим телом недолго застаивается на станции, ему нужно дальше, надо дать место следующему -- тот тоже с солдатами и солдатами.

Со станции люди бредут в разные стороны, бороздя лицо праматери, думая грузные думы; и потом, взворачивая сохами ее пласты для светлых яровых хлебов, они так же серьезны и важны, точно тысячеверстные просторы передали им свою силу. Упорные и спокойные, они затемняют на полях правильные куски – четырехугольные, узкие и квадратные, точно ломти чернейшего хлеба. Сзади ходят грачи, неизвестно откуда взявшиеся, дети и внуки тех, что бродили за отцами пахарей; как будто они знают друг друга, человек не пугает птицы, а она выбирает из земли червей, ненужную дрянь, благословляет его работу полетом черных крыльев.

Из деревень девки вывозят на поле навоз в колымажках; лошади идут шагом, как жуки; навоз дымится в весеннем воздухе, точно горячее кушанье, девки с измазанными ногами шагают рядом; разложив его кучками по полю, скачут назад, стоя в двуколках, как в боевых колесницах. И рядом с той землей, где пашут и раскладывают золотисто-коричневый навоз, вылезли уж полосы зеленей; они ждут тепла, чтобы наливаясь, зреть, передвигаться в деревни; там они застрянут частью, подтапливая мужицкие тела, потом пойдут дальше, в хлеботорговый город неподалеку, и в красных вагонах медленно будут пробегать среди родных полей, мимо знакомых "верхов" и ширококораздольных речек.

Но уже мало одного хлеба; уже нужно на замену съеденных где-то человеческих тел, которые везут все по той же дороге, -- новые. Опять отвечает земля, и по разным проселкам ползут подводы "в уезд", "в управу" -- в неизвестное и темное место, где сортируют людей, обучают ходить, стрелять и убивать.

Мрак и тьма стоят над землей. Станция работает правильно, день за днем. Больше и больше проходит поездов с солдатами, часто из-за них приходится задерживать помещичье молоко или встречный хлеб. Товарные платформы заставлены вагонами с мукой, но остановить ток людей нельзя. И не раз теперь из

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2017/18 гг.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЛИТЕРАТУРА
__ 11 __ КЛАСС

вагонов выглядывают свои же, бородатые лица в темных шинелях, а на платформе бабий мир избывает свое горе и опять расходится по селам, разносит по домам скорбь.

Поезда же в назначенное и неназначенное время, с полупьяными людьми, дикими песнями, тяжелыми драками запасных, уходят в черноту ночи, выставя сзади красный фонарь. В вагонах мужики-солдаты скоро засыпают. Тогда они совсем похожи на кули с мукой, что везут им навстречу. В бурном поле идут поезда; ветер хмуро играет придорожными рощами, носится над полями, отпевая черную русскую деревню. На глухих полустанках и разъездах ждут встречные с хлебом; обмениваются гудками, и каждый идет в свою сторону. Опять погружаются в ночь; опять отклики далей, гигантской, патлатой земли с уродливыми деревушками и запахом печеного хлеба. Великая страна опоясывает железный путь с обеих сторон; миллионы людей и десятин вокруг, тысячи сел.

На телеграфных столбах гудят проволоки: поезда бегут, семафоры зеленеют, вычерчивая полудуги. Дорога работает безостановочно.

1905

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2017/18 гг.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЛИТЕРАТУРА
__ 11 __ КЛАСС

Задание №2, творческое (30 баллов)

Прочитайте изложенные в первой графе **10 суждений**, во второй графе укажите, согласны вы с ним («ВЕРНО») либо не согласны («НЕВЕРНО»), а затем в третьей графе обоснуйте свое мнение конкретными фактами.

Утверждение	Согласие/несогласие	Обоснование/ вариант ответа
1. В 1890 году А.П. Чехов отсутствовал в Москве восемь месяцев подряд.		
2. Драматургия М. Горького неразрывно связана с историей МХАТа.		
3. Поэты-символисты воплощением поэтической гармонии считали стихи Тютчева.		
4. Иллюстрацией к стихотворению А. А. Блока «Незнакомка» является картина Ивана Крамского «Неизвестная».		
5. Талант поэтессы открылся у Марины Цветаевой уже в зрелом возрасте.		
6. В ресторане «Славянский базар» 21 июня 1897 года состоялась встреча, которая повлияла на судьбу широко известного в то время писателя – его любовь и творчество.		
7. Борису Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, от которой он добровольно отказался.		
8. Евгений Замятин является автором самой знаменитой утопии в русской литературе.		
9. Повесть «Собачье сердце» Булгакова была любимым произведением Сталина.		
10. Сергей Довлатов не считал самого себя успешным русским писателем.		